

ции черепа. Этот вывод имеет большое методологическое значение и является в устах такого авторитета, как Вейденрейх, блестящим подтверждением той схемы эволюции человека, которая была дана уже Энгельсом в его знаменитой работе «Роль труда в очеловечении обезьяны».

М. Левин

Хр. Вакарелски. Сватбената пьсенъ, мъстото и службата ѝ в сватбенния обредъ. Спгг. Vakarelsky. Le chant nuptial, sa place et sa fonction dans les rites purtiaux. София, 1937, 129 (Оттиск из «Известия на Народния Етнографски музей», кн. V).

Автор рецензируемой работы — известный болгарский этнограф, директор Этнографического музея в Софии. Тема — место и роль свадебной песни в свадебном обряде — разработана автором на большом материале, охватывающем свадебный фольклор не только всех славянских народов, но и свадебные песни мордвы, чувашей, немцев, французов, народов Прибалтики и пр.

Определяя свадебный обряд как «единъ комплекс отъ взаимно свързани и проникващи се елементи отъ правенъ, стопански, религиозенъ, чувственъ и пр. характеръ», автор возражает против оценки свадьбы как исключительно социального момента. Последнему все же, по мнению автора, принадлежит главенствующая роль. Соотношение отдельных элементов единого свадебного комплекса изменяется в связи с изменением материальной и духовной жизни народа.

Оставляя открытым вопрос, существовали ли в начальном периоде истории человечества оформленные брачные отношения или современный брак есть определенная ступень в развитии брака, автор указывает, что «бракътъ е форма владѣща у всички известни нам днесъ народи». Справедливо замечая, что наличие начальных форм брака находится в обратно пропорциональной зависимости от развития цивилизации, автор все же выставляет положение, что «бракътъ въ съзнанието на първобитния човекъ с като единъ природен законъ, който нема изключение за здравия човекъ и който действува строго и неумолимо». Косвенное доказательство оценки важности брака в сознании людей автор видит во множестве обычаев и обрядов, сопровождающих брак у различных народов.

По определению автора, свадьба есть форма, которая объединяет все элементы брачных отношений, взятых в их целостности. Разнообразие свадебных обрядов у различных народов или отдельных групп народа определяется местом и временем действия их, однако решающую роль в обрядах свадебного ритуала играет традиция. Подразделяя все обряды свадебного цикла на мотивированные и немотивированные, автор, не разбирая подробно данного вопроса, так же как и вопроса о функциональности обрядовой формы, отсылает читателя к известной работе П. Г. Богатырева «La chanson populaire au point de vue fonctionnel».

Обрядовая сторона действия, т. е. форма играет, говорит автор, только служебную роль, являясь не целью, а средством выражения данного обычая. Все элементы, составляющие брак, как то: правовые, хозяйственные, эмоциональные, эстетические, получают отражение в обрядовой форме. Между содержанием свадебного обряда и формой его выражения существует тесная связь.

При заключении брака решающую роль в сознании народа играет обычай; церковное и гражданское его оформление, являющееся сравнительно новым моментом в истории брака, не имеет существенного значения.

Отмечая огромную роль песни в свадебном ритуале, автор указывает на обратно пропорциональную зависимость между сохранением свадебных обрядов и степенью развития данного народа. «Колкото по-цивилизуванъ даденъ народъ, толкова по — избледнели сватбени обреди притежава той, толкова по — упростиени сж символичните действия, а за едно с тех и песни те». В настоящее время на сокращение свадебных обрядов влияют экономические причины.

Все свадебные обычаи и сопровождающие их обряды автор разделяет на следующие восемь моментов: 1) предсвадебный сговор, 2) подготовительные обряды в доме жениха и невесты, 3) отправление за невестой, 4) прощание невесты с родителями, 5) встречу невесты в доме жениха, 6) обряды, связанные с переходом невесты в разряд замужних женщин, 7) брачное состояние, 8) послебрачные обычаи. Руководствуясь данной схемой, автор кратко излагает содержание основных обрядов свадебного цикла и их сопровождающих песен, выясняя функции и характер последних.

В большинстве случаев в начале «годежа», когда устанавливается первая договоренность между сватами и родителями девушки, песенный элемент почти полностью отсутствует. В основе традиционной формулы, по которой обычно ведется разговор между сватами и родителями невесты (сваты выступают в качестве торговцев или ловцов), лежит, по мнению автора, магическая функция: скрыть «от неизвестности опасности истинского важно намерение». Песни, в которых выступает мотив пропоя, завершающего сговор, носят подтвердительно-эмоциональный характер. Некоторые песни, приуроченные к данному моменту, часто содержат мотив продажи девушки, обложенный иногда в форму благодарности ее родителям. Обручение

невесты сопровождается песнями исключительно описательного характера. Обычай питья из одной чаши автор определяет как магическое средство обеспечить благополучную жизнь будущих супругов; в основе данного обряда лежит синдиасмическая магия.

Автор отмечает огромную роль свадебного печения, как «средства за множество символически изрази и изображения как то и за магически въздействия, касательно бждещето на младоженците». У восточных славян, указывает автор, особенно развита обрядность вырезки хлеба, с которой связано много песен. У южных славян основная масса песен связана с замешиванием теста, у остальных славян — с печением его. Большинство песен, связанных с этими обрядами, носит характер магического заклинания, цель которого обеспечить рост каравайя, с которым связано и благополучие молодых. Свадебное деревцо, известное, как отмечает автор, всем славянским народам, выступает под названием «гильце», «деве красота», «вильце», «елка» у великоруссов и украинцев, *gozga* — у поляков, *stromek* — у чехов, «ела» у южных славян. Соглашаясь с мнением Д. К. Зеленина, что значение «сватбеното дръвца се състои в споменъ и раздела на невестата съ моминското время», автор придает этому символу обрядно-отделительную функцию. Песни, связанные с обычаем свадебного деревца, носят величальный характер.

Обряды, связанные с косой невесты, аналогичны у всех народов. Свадебное подстрижение невесты, символизирующее переход ее в замужнее состояние, получило в литературе различное толкование. В нем видели обычный инициации, функции правового и сакрального характера. Считая, что все эти толкования верны постольку, поскольку они основываются на народной интерпретации, автор делит обряды подстрижения невесты на две группы: расплетение косы и подстриг, замена девичьей прически прической замужней женщины. Расплетение косы происходит в доме невесты, обряд смены прически стоит в непосредственной связи с брачным актом. Песни, сопровождающие расплетение косы, отражают сопротивление невесты; большую роль, как отмечает автор, в данном обряде играет брат невесты, он помогает расплестию, берет откуп за отрезанную косу и пр. Поэтому в песнях брат часто называется «татариним», реже употребителен эпитет «защитника». В день венчания на невесту надевают венец, при плетении которого поются песни большей частью описательного характера. Некоторые песни южных славян, приуроченные к данному моменту, носят характер мотивированного заклинания. За приготовление венца со всех присутствующих на свадьбе взимается откуп. Обряд сопровождается соответствующей песней, носящей заключительно-констатирующий характер.

Множество обрядов, связанных с девичником, сопровождаются песнями прощального характера, по форме напоминающим плач. Основной мотив песни — прощание невесты с девичьей жизнью, с подругами — составляет элемент разделительного обряда. Наряду с мотивами укора рдителей и прощания с домом, иногда звучит и веселый мотив, что, замечает автор, указывает на чисто обрядовую традиционную сторону плача. В великорусской свадьбе плач сменяется величальной песней, воспевающей духовные и физические качества жениха. Исключение составляет предсвадебный вечер у немцев, который проходит в играх, веселых песнях, стрельбе и пр., нося, по мнению автора, магическо-апотронеический характер. Некоторые песни, поющиеся во время обрядового бритья жениха, указывают на инициальный характер этого обряда.

Переходя к обряду отъезда за невестой, автор отмечает резкий контраст в настроениях, царящих в данный момент в доме жениха и в доме невесты. В последнем преобладает грусть, в первом господствует веселое, бодрое настроение. Это получило соответствующее отражение в песнях. Отправление поезда жениха в путь сопровождается песнями, носящими характер благословения и напутственных пожеланий, выраженных в форме заклинаний. Наряду с этим в песнях звучит мотив возвеличивания свадебного шествия, наряда жениха, мотив неопытности жениха, которого поручают куму и старому свату. Подъезжающий к дому невесты поезд находится обычно ворота закрытыми, между обеими сторонами начинается торг, которому автор также придает магический характер, скрывающийся в иносказательных образах истинное намерение. Здесь песня уступает место диалогу, шуткам, остротам, являющимся обычно плодом свободной импровизации. После того как поезд жениха допущен в дом невесты, совершается ряд обрядов различного характера. Вывод невесты из ее дома сопровождается обрядами не сложными по значению, но разнообразными по форме. Песни, напоминающие по форме плач, носят прощальный, благопожелательный характер.

В песнях, приуроченных к встрече невесты у дома жениха, сообщается радостное известие о прибытии невесты, звучит мотив снохи — «отменницы», которая заменит свекровь в домашней сельской работе. Песни носят характер обрядно-инициальный, подтверждающий прием в дом нового члена. Наряду с этим звучит мотив величания невесты, контраста в настроениях двух домов. Песни, напутствующие молодоженов в спальню, носят эротический характер, некоторые из них — характер пожеланий, молитвы за будущее потомство.

Ограничивая этим разбор обрядов свадебного ритуала, автор делает ряд выводов, устанавливающих тесную связь между песней и обрядом. Значительная часть

песен, отнесенная им в разряд «протокольных», представляет простую иллюстрацию обряда, часть из них, однако, служит или побуждением к началу действия или завершает обряд. В большинстве случаев песни являются осмыслением магической сущности обряда, обычно мотивируя последний.

Руководящая мысль при заключении брака — экономическое благополучие молодоженов. Эта мысль иллюстрируется многими песнями, носящими характер пожеланий. В качестве начала брачной жизни свадьба не лишена и апотропических поступков, которые часто сопровождаются песнями, поясняющими их смысл. Так как свадьба представляет собой развитый обряд отделения невесты от одной среды и одного состояния и посвящения ее в новую среду и в новое состояние, то она сопровождается в соответствующие моменты песнями отделительного и посвящательного характера. Значительное место в свадьбе занимает величальная служба. В зависимости от характера обряда последняя выполняет различные функции, как то: побудителя к торжественному веселому настроению, протретическо-карпогонического средства, средства апотропического и экзопатического характера.

Автор подчеркивает функциональную сложность обрядовых песен, выделяя песни обрядно-утвердительно-величального характера (при месении каравая, плетении венца), инципационно-карпогонично-правового, величально-синдиасмичного характера и пр. Анализируя содержание и функции обрядовых песен, автор приходит к выводу об их первоначальном синкретизме.

Хотя всем песням свадебного цикла присуща большая художественная ценность, однако, как отмечает автор, «чисто эстетическата й служба за народнит е среди е тврде незначителна».

Работа Хр. Вакарельского, содержание которой мы передали, имеет несомненно большой интерес для исследователя свадебного обряда вообще, славянской свадьбы в частности. Ценность представляет собой и обширный указатель использованной автором литературы предмета.

И. Прокопович